

РЕЗЮМЕ / SUMMARIES

Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме / Zoomorphic patterns in the traditional universe

Царева Е.Г. Текстильный бестиарий: роль нити в освоении сапиенсами умеренных и северных широт Евразии.

Автор рассматривает историю создания и развития сапиенсами техник образования нитей (так называемых «длинных тел»), имеющих жизнеопределяющее значение для формирования *Homo sapiens* как вида. Точкой отсчета служат наиболее ранние из известных на сегодняшний день феноменологические свидетельства существования нитяных структур; далее рассматриваются процессы сложения культурно-территориальных вариантов нитеобразования, определяющими факторами появления которых были выполняемые нитями функции и доступные для тех или иных климатических зон природные материалы. Особое внимание в статье уделено роли нити в освоении человеком холодных пространств Евразии, что, в частности, потребовало от сапиенсов изобретения специфических видов одежды.

E.G. Tsareva. Textile bestiary: a role of thread in the human exploration of temperate latitudes.

The article examines the history of creation and development of thread formation techniques (so-called “long bodies”) that had the crucial meaning for the formation of *Homo sapiens* as a species. The earliest phenomenological evidence known today for the existence of filament structures are the starting point here. The formation processes of cultural-territorial variants of thread creation are examined, the determining factors in the emergence of which were the various functions of the threads and available natural materials in the different climatic zones. Special attention is paid to the role of thread in the human exploration of cold environments in Eurasia, which demanded the invention of specific types of clothing.

Ю.Е. Березкин. Зооморфные трикстеры: закономерности ареального распределения.

Лиса/шакал/койот, заяц/кролик и ворон (ворона) — три зооморфных обманщика (трикстера), которые наиболее распространены в мировом фольклоре. Все остальные либо имеют более ограниченный ареал распространения или, будучи широко известны, участвуют в ограниченном количестве эпизодов и не являются главными действующими лицами огромного количества разнообразных эпизодов обмана. Лиса/шакал не имеет себе равных в Европе, Восточной и Южной Сибири, Центральной, Юго-Западной и Южной Азии, Северной и Северо-Восточной Африке. В Новом Свете обманщик-койот широко распространен в западной части Северной Америки, а обманщик-лиса — в Центральных и Южных Андах, Чако и Патагонии. Заяц/кролик — преобладающий трикстер в Африке к югу от Сахары и в Юго-Восточной

и Восточной Азии, широко распространен в восточной части Северной Америки. Изолированный анклав лисы/койота в Юго-Западной Африке, по-видимому, связан с продвижением на юг скотоводов с территории современных Кении — Танзании около 200 г. до н.э. — 200 г. н.э. Обманщик-ворон особенно характерен для северной части Тихого океана, как на азиатском, так и на американском побережье, и прослеживается пунктирно вдоль Тихоокеанского пояса Азии до юго-восточной Австралии. И обманщик-ворон, и обманщик-лиса были привнесены в Североамериканскую Арктику эскимосами. Мировое распределение наиболее популярных зооморфных обманщиков может уходить своими корнями в далекую эпоху первоначального расселения современного человека из Африки и появления крупных культурных областей. Распространение же конкретных типов сказок было гораздо более поздним явлением.

Yu.E. Berezkin. Zoomorphic tricksters: patterns of areal distribution.

Fox/jackal/coyote, hare/rabbit and raven (crow) are three zoomorphic tricksters that are the most widespread in the world folklore. All others have either much more restricted areal distribution or, being widely known, participate in a restricted number of episodes and are not bases for excessive and diverse trickster tales. The foxes and jackals have no rivals across Europe, eastern and southern Siberia, central, southwestern and southern Asia, or northern and northeastern Africa. In the New World, the trickster-coyote is widespread in western North America and the trickster-fox in the central-south Andes, Chaco and Patagonia. The hare/rabbit is the predominant trickster in sub-Saharan Africa and southeastern and eastern Asia and is widespread in Eastern North America. An isolated enclave of fox/jackal/coyote in Southwestern Africa seems to be related to the southward movement of cattle-breeders from present day Kenya — Tanzania ca. 200 B.C. — A.D. 200. The trickster-raven is peculiar to the northern Pacific on both Asiatic and American shores, with a vague trace along the Pacific belt of Asia down to southeastern Australia. Both trickster-raven and trickster-fox were likely brought to the American Arctic by the Eskimo/Inuit. The world distribution of the most popular zoomorphic tricksters can have its roots in the remote epoch of the initial spread of modern man from Africa and emergence of major cultural areas. The spread of particular tale-types was a much later phenomenon.

В.В. Емельянов. Бестиарий аккадского эпоса о Гильгамеше.

В статье рассматривается один из семиотических кодов ниневийской версии (конец VIII в. до н.э.) аккадского эпоса о Гильгамеше, связанный с упоминанием различных животных. Исследование показало, что копытные олицетворяют в эпосе изначальное бытие, необузданную силу и дикость, кошачьи связаны с воинскими амбициями правителя, а существа, идущие понизу, ассоциированы со знанием тайн и требованием истины. Бестиарий эпоса воспроизводит порядок следования зверей в вавилонском зодиаке — от копытных через кошачьих к пресмыкающимся и рыбам.

V.V. Emel'yanov. Bestiary of the Acadian epic of Gilgamesh.

In the paper the author considers one of the semiotic codes of the Nineveh version (the end of VIII century BC) of the Acadian epic of Gilgamesh that mentioned various animals. The study showed that in the epic ungulates represent the primordial life, indomitable in strength and savagery, cats are related to military ambitions of a ruler, and the creatures going across the bottom are associated with the knowledge of mysteries and requirement of the truth. The epic's bestiary reproduces the order of animals familiar from the Babylonian zodiac — from ungulates through cats to reptiles and fish.

М.Ф. Альбедиль. Конь/лошадь в древнеиндийской мифологии и ритуале.

Конь (лошадь) в Южной Азии известен благодаря скотоводам-кочевникам ариям примерно с середины II тыс. до н.э. Его мифологический образ занял видное место в мифологии и ритуальной деятельности. В целом он соответствует общим индоевропейским представлениям, согласно которым конь как древний зооморфный символ солнца считается атрибутом или символом нескольких божеств, прежде всего солнечных. В Древней Индии зарегистрирован целый ряд мифологических и ритуальных терминов, образованных от названия коня *ашва*-, например *ашваюпа* — «жертвенный столб», *ашвамедха* — «жертвоприношение коня» и т.п. Древнеиндийская традиция сохранила и следы весомой обрядовой значимости коня, имевшего высокий ритуальный статус. В ритуалах жертвоприношения конь считался эквивалентным человеку и был способен его заменить.

M.F. Albedil. Knight/horse in the ancient Indian mythology and ritual.

The Knight (horse) is known in the South Asia due to influence from the cattle-nomads of the Arias that started in about the middle of II kyа BC. Its mythological image occupied an important place in the mythology and ritual activity. In general, it corresponds to common Indo-European views, according to which horse, an ancient zoomorphic symbol of the sun, is considered as an attribute or a symbol of several gods, particularly the solar deities. In ancient India, it is well known that a number of mythological and ritual terms derive from the name of horse, *ashva*:- for example, *ashvayupa* (“sacrificial pole”), *ashvamedha* (“sacrifice of a horse”), and so on. The ancient Indian tradition has also preserved traces of a significant ritual importance of the horse, which had a high ritual status. In rituals of sacrifice, horse was considered equivalent to man and able to replace him symbolically.

Я.В. Васильков. Индийский дикий кот и «домашняя» кошка.

Отсутствие исследований о статусе кошки в индийской культуре указывает на то, что в отношении индийцев к этому животному есть нечто с европейской точки зрения труднообъяснимое. Универсально распространенный мотив кота-притворщика, прикидывающегося мертвым или беспомощным, чтобы приманить мышей, в санскритской литературе приобретает специфически индийскую форму: кот (всегда дикий, лесной кот) принимает образ раскаявшегося грешника, святого аскета, проповедующего ненасилие и ве-

гетарианство. Единственный раз в древней литературе в буддийской джатаке фигурирует кошка (тоже лесная, дикая), которая пытается заставить петуха спуститься в ветки дерева, используя женскую тактику соблазнения. Зато в современном фольклоре фигурирует исключительно «домашняя» кошка. Однако до нашего времени в традиционной культуре она осознается опасным, кровожадным хищником, которого лишь по необходимости пускают с улицы в дом. Мифологическим обоснованием такого отношения к кошке является ее связь с Шаштхи — в прошлом зловещей по своему характеру богиней детских болезней. Лишь сейчас в городской среде распространяется европейская практика содержания кошек как домашних питомцев (pets), почти что членов семьи.

Ya.V. Vasilkov. The Indian wildcat and a “home” cat.

The lack of research on the status of cat in Indian culture indicates that the relation of Indians to this animal has something difficult to explain, at least from the European point of view. The universally-know *modus operandi* of a cat, a make-believer who pretends to be dead or helpless to lure the mouse, acquires a specific Indian form in ancient Sanskrit literature: the cat (always wild *cat*) takes the image of a repentant sinner, holy ascetic, preaching non-violence and vegetarianism. Only once in the ancient literature, in Buddhist Jataka, the cat (also wild cat (*Felis silvestris*) appears and tries to make a cock go down a tree branch using a women’s tactics of seduction. But exclusively a domestic cat appears in the modern folklore. However, up to our time in the traditional culture, cats are recognized dangerous, bloodthirsty predators which are only by necessity admitted from the street into the home. A mythological justification of such relation to the cat is its connection with Shashthi, the sinister in temper goddess of childhood diseases. Only now in the post-bubonic plague west, there is spread the European practice to held cats as pets and almost family members.

Л.А. Стрельцова. Тигр в традиционном представлении непальцев.

В статье рассматривается традиционное представление жителей Непала о тигре. В сказках неваров и народа лимбу тигр предстает в образе брата человека, в магарских и неварских сказках распространен мотив добывания тигриного молока как достижения чего-то трудновыполнимого.

Тигр почитается неварями в облике местного божества Багх Бхайрава, главный храм которого расположен в Киртипуре. Багх Бхайрава тесно связан с шиваитской традицией, однако почитается не только индуистами, но и буддистами. Фигура божества выполнена из глины и украшена стилизованной серебряной маской. Из-за недолговечности материала раз в двадцать-тридцать лет происходит восстановление статуи, сопровождаемое большим праздником. Жертвоприношения богу совершаются не непосредственно в храме, а на специальном алтаре у окна, за которым расположена статуя.

L.A. Streltsova. Tiger in the traditional view of Nepalis.

The article considers the traditional view of the people of Nepal on the tiger. In fairy tales of Newari and the people of Limbu, tiger appears in the image

of a brother of man; in Magar and Newari tales, there is spread a motive of getting tiger milk as the accomplishment of something difficult.

The tiger is revered by Newari in the guise of a local deity of Bagh Bhairava, the main temple of which is located in Kirtipur. Bagh Bhairava is closely related to the Shaivite tradition, and it is revered not only by Hindus, but also Buddhists. The figure of the deity is made of clay and decorated with a stylized silver mask. Because of the material's fragility, once every twenty or thirty years there is a restoration of the statue, which is accompanied by a great holiday. The sacrifices to the god are made not directly in the temple, but on a special altar at the window, behind which the statue is located.

В.Н. Мазурина. Образ Чхепу в непальской традиции (по личным наблюдениям).

В статье предпринята попытка предварительных исследований иконографии образа Чхепу. Многочисленные изображения этого персонажа обнаруживаются на полукруглых панелях, укрепленных над входным проемом, ведущим на территорию монастыря или в храм (индуистский, буддийский), над водным источником, а также среди рельефных изображений на небольших чайтьях. Одна из легенд о происхождении Чхепу связана с бодхисаттвой мудрости Манчжуши, широко почитаемом в Непале. В образе Чхепу прослеживаются черты многих животных. У него львиная морда, рога барана, руки-крылья. Изображения этого персонажа встречаются и в живописи. В работах современных художников заметно, какие изменения претерпел образ Чхепу. Он становится второстепенным персонажем, уступив главное место центральной фигуре.

V.N. Mazurina. The image of Chepu in the Nepali tradition (based on personal observations).

The article contains a preliminary study of iconography of the Chepu image. Numerous images of this character are found on semicircular panels, strengthened above the entrance doorway leading to the territory of a monastery or a temple (Hindu, Buddhist) above a water source, as well as among relief images on small caityas. One of legends about the Chepu origin is related to the bodhisattva of wisdom called Manjushri, widely revered in Nepal. In the Chepu image are visible features of many animals. It has a lion face, ram horns, and arms/wings. Images of this character are met in the painting. In works of contemporary artists, it is apparent which changes the Chepu image has undergone. It becomes a secondary character, giving the main place to a central figure.

Т.А. Зимина. Животный мир в культуре веддов (Шри-Ланка).

Культурные традиции веддов Шри Ланки взрастали и существуют в тесном взаимодействии с природной средой, частью которой являются животные. Главный принцип веддов в отношении к окружающей природе — брать лишь то, что необходимо для жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом. Для веддов, как и для многих других охотничье-собираТЕЛЬСКИХ сообществ разных уголков мира, характерно глубокое знание и понимание

животного мира (впрочем, как и растительного), лежащее в основе их мировоззрения, ценностных ориентиров, промысловой деятельности, умений и навыков и т.д.

Статья основана на научных материалах конца XIX — первой половины XX в., работах современных исследователей, в том числе первого ученого из веддов Дамбане Гунаварданы, а также полевых материалах автора, собранных у веддов Шри Ланки в сентябре 2013 г.

T.A. Zimina. Animal world in the culture of Vedas (Sri Lanka).

The cultural traditions of Vedas in Sri Lanka are in close interaction with the natural environment, a part of which are animals. The main principle of the Vedas in the relation to the environment is to take only what is necessary for the livelihoods of an individual and the whole society. For the Vedas, as for many other hunter-gatherer communities in different parts of the world, there is characteristically a deep knowledge and understanding of the animal world (as well as botanical one) that permeates their worldview, values, commercial activity, skills, and habits.

The article is focuses on scientific materials dating to the end of XIX — first half of XX century, works of modern researchers, including the first Vedas-scholar, Dambane Gunawardany, as well as the author's field materials collected at Vedas of Sri Lanka in September 2013.

Н.Г. Краснодембская, О.Н. Меренкова. Шри Ланка: изделия из черепахового панциря в прошлом и настоящем (по материалам коллекции А.М. и Л.А. Мервартов).

Статья посвящена оригинальному искусству, некогда процветавшему на Цейлоне (ныне Шри Ланка), хотя появилось оно здесь, по-видимому под влиянием традиций Юго-Восточной Азии и благодаря активному в свое время европейскому спросу. Возможно, в какой-то степени оно живет и сейчас (тайно), несмотря на официальный запрет убийства морских черепах, бывших главным источником биологического материала для упомянутого художественного ремесла. Отчасти традиция отражена в поделках из похожих на черепаховый панцирь синтетических материалов.

В статье описывается история названного ремесла на острове, а также конкретная коллекция черепаховых изделий, привезенная в МАЭ в начале XX в. участниками первой этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию (1914–1918 гг.) А. и Л. Мервартами. Авторами использованы соответствующие научные материалы, ресурсы интернета, а также коллекции музеев Шри Ланки.

N.G. Krasnodembskaya, O.N. Merenkova. Sri Lanka: products made of tortoise shell in the past and present (on the materials of A.M. and L.A. Meerwarth's collection).

The article is devoted to the original art that once-flourished in Ceylon (now, Sri Lanka), although apparently it appeared here under the influence of south-east Asia traditions and due to active European demand. Perhaps, it secretly continues

now to some extent, despite the official ban on killing sea turtles that were the main source of biological material for this crafts. The tradition is still reflected in carvings on synthetic materials similar to tortoise shell.

The article describes a history of the craftsmanship on the island as well as a specific collection of turtle products brought to MAE in the beginning of XX century by the participants of the first ethnographic expedition to Ceylon and India (1914–1918), A. and L. Meerwarth. The authors used the appropriate scientific materials, Internet resources, and museum collections of Sri Lanka.

Е.И. Малозёмова. Образы животных в оформлении иранского холодного оружия.

Образ зверя, явно и неявно, часто присутствовал в оформлении холодного оружия иранцев. Клинок, бывший необходимой частью сначала ритуала охоты и войны, а в дальнейшем еще парада и придворного церемониала, оформлялся в рамках принятой в культуре образно-знаковой системы. Звериные образы, появившиеся в этой системе еще в самый древний период истории иранцев, почти никогда не покидали ее, изменяясь в рамках своеобразного канона вслед за изменением религиозно-философских взглядов общества, художественных стилей, моды и, конечно, роли холодного оружия в иранской культуре.

E.I. Malozemova. Images of animals in the decoration of Iranian edged weapon.

The image of the beast, explicitly and implicitly, was often present in the decoration of edged weapon of the Iranians. The blade, foremost a necessary part of the ritual of hunting and war, is central to parade and court ceremony and was decorated in the framework of the figurative-sign system adopted in the culture. Beast images appeared in this system even in the most ancient period of the Iranian history, have consistent centrality, changing within the framework of the original canon in step with change in religious and philosophical views of the society, artistic styles, fashion, and, of course, the role of edged weapon in the Iranian culture.

А.К. Салмин. Два персидских божества у чувашей.

Сообщение посвящено рассмотрению двух основных божеств в пантеоне чувашей — хозяину скота и зверей *Пихампару* и *Пирёшти* — божеству, оберегающему человека. Само слово *Пирёшти* персидского происхождения и восходит к *пэйамбар* — «пророк, посланник». Судя по месту моления, проживает в хлеву (прясле). Слово *Пирёшти* восходит к персидскому *фәршиштā* — «ангел, вестник». Два *Пирёшти* на обоих плечах невидимым письмом ведут летопись человека. Они фиксируют все, что говорит их хозяин — и плохие, и хорошие высказывания. Прямые интенсивные контакты предков чувашей с иранскими племенами имели место по крайней мере со II по IX в. в основном на Кавказе. Вполне допустимо, что контакты имели место еще в Южной Сибири.

A.K. Salmin. Two Persian deities of Chuvashes.

The report is devoted to the consideration of two main deities in the pantheon of Chuvashes: *Pihamparu* — the owner of cattle and beasts, and *Pirēshti* — the deity protecting a person. The word *Pihamparu* has a Persian origin that goes back to *payambar* (“prophet, messenger”). According to the place of praying, it lives in a barn (fence). The word *Pirēshti* goes back to Persian *fārishtā* (“angel, herald”). Two *Pirēshti* on both shoulders keep a record of a person with invisible writing. They record everything that their master says — both good and bad statements. Direct intensive contacts of the ancestors of Chuvashes with Iranian tribes took place at least from II thru IX century, mainly in the Caucasus. It is quite probable that contacts were also made in Southern Siberia.

К.С. Васильцов. Образ горного козла (нахчира) в мифологии и религиозных представлениях горцев Западного Памира.

В статье на основании археологических, этнографических и фольклорных материалов рассматривается образ горного козла (нахчира) в мифологической и религиозной традиции горцев Бадрахшана. Круг древних представлений, восходящий, вероятно, к тотемизму, с течением времени наполнился новым содержанием. В более поздней традиции нахчир понимается как символ достатка и благополучия дома, он особым образом связан с различными божествами (возможно, в некоторых случаях сам является таковым) или другими «обитателями» иного мира (пари, в мусульманских фольклорных текстах — пророки, *вали*). Содержание ряда легенд и преданий указывает на то, что горный козел воспринимался также как посредник между верхним и нижним мирами.

K.S. Vasil'tsov. The image of the mountain goat (nakhchir) in the mythology and religious views of highlanders of the Western Pamir.

In the article, on the basis of archeological, ethnographic, and folklore materials, there is considered the image of the mountain goat (nakhchir) in the mythological and religious tradition of the highlanders of Badakhshan. The pantheon of ancient views ascending probably to totemism, was filled with new semantic content over the time. In the later tradition, the nakhchir is understood as a symbol of prosperity and domestic well-being; it is associated in a special way with various deities (possibly, in some cases it is the same) or other “inhabitants” of another world (pari, or, in the Muslim folklore texts are prophets, *wali*). The content of a number of legends and traditions indicates that the mountain goat was perceived also as a mediator between the upper and the lower worlds.

Д.В. Иванов. Приготовление сурка-тарбагана в Завхан аймаке Республики Монголия в 2013 г.

Одним из наиболее известных и одновременно экзотических блюд традиционной монгольской кухни является *боодог*, который готовят из мяса тарбагана — монгольского сурка (лат. *Marmota sibirica*), обитающего в России (Тува и Забайкалье), Монголии и Северо-Восточном Китае. По мнению некоторых исследователей, *боодог* — это один из наиболее древних кулинарных

рецептов, сохранившихся до наших дней. В статье рассмотрен современный способ приготовления этого блюда, который автору удалось наблюдать в Завхан аймаке Республики Монголия в 2013 г. в ходе этнографической экспедиции совместно с Институтом истории Монгольской академии наук.

D.V. Ivanov. A cooking of marmot-tarbagan in the Zavhan aimak of the Republic of Mongolia in 2013.

One of the most famous and concurrently exotic dishes of the traditional Mongolian cuisine is *bodog*, which is prepared from the meat of tarbagan — the Mongolian marmot (*Marmota sibirica* in Latin) that lives in Russia (Tuva and Transbaikalia), Mongolia, and north-eastern China. On the opinion of some researchers, *bodog* is one of the most ancient recipes preserved to our days. The article considers the modern way of cooking of this dish, which the author was able to observe in the Zavhan Aimak of the Republic of Mongolia in 2013 in the course of a joint ethnographic expedition with the Institute for History of the Mongolian Academy of Sciences.

Т.Н. Дмитриева, Т.И. Щербакова. Животные в чукотских связках семейных охранителей (по материалам коллекции И.П. Лаврова).

В статье описываются семейные амулеты чукчей — связки охранителей, которые имеются в фондах ГМИР (коллекция И.П. Лаврова, собранная в 1939–1940 гг.). Амулеты происходят из приморских поселков, но собраны не непосредственно у владельцев. В каждой из представленных связок (четыре полных связки и два фрагмента) наряду с другими предметами имеются части животных и/или их изображения: собака, медведь, тюлень (в виде деревянных фигурок); песец (череп с сохранившейся кожей), рысь (череп), снежный баран (полный комплект копытных частей конечностей от одной особи). Приводятся данные о значении этих животных в ритуалах и верованиях. Если собака, медведь, песец широко представлены как действующие лица фольклора и объекты ритуала, то снежный баран и тюлень фигурируют только как объекты охоты, а упоминаний о рыси нам не встретилось ни в каком контексте вообще.

T.N. Dmitrieva, T.I. Sherbakova. Animals in the Chukchi sheaves of family guardians (on the materials of I.P. Lavrov's collection).

The article describes family amulets of the Chukchas — bunches of guardians that are available in the funds of GMHR (the collection of I.P. Lavrov, collected in 1939–1940). The amulets originate from coastal villages, but are not collected directly from owners. In each of the presented bunches (four complete and two fragmented ones), along with some other items there are parts of animals and/or their images: dog, bear, seal (in the form of wooden figurines), arctic fox (a skull with intact skin), lynx (a skull), mountain sheep (a complete set of hoof parts of limbs from one individual). There are represented the data on the value of these animals in rituals and beliefs. If the dog, bear, and arctic fox are widely presented as actors in folklore and ritual objects, then mountain sheep and seal are mentioned only as hunting objects, and references about the lynx were not found.

М.И. Василенко. Битвы, герои, богатство: кони в культурном пространстве Аравии.

В культуре Аравии конь не просто символ битвы, героизма и богатства, но и воплощение этих понятий. В Аравии VII в. конь был прежде всего средством ведения боя, главным образом атаки. Прибытие скакунов ранним утром означало неминуемое сражение или гибель. Герой не мог стать героем без коня, ибо лишь на коне мог проявить настоящий героизм. Богач же без коня не мог считаться богачом, ибо конь в Аравии был и по сей день остается не только формой богатства, но и наиболее эффективной формой его демонстрации.

M.I. Vasilenko. Battles, heroes, and the wealth: horses in the cultural space of Arabia.

In the culture of the Arabia, the horse is not just a symbol of a battle, heroism and wealth, but also the implementation of these concepts. In the Arabia of the VII century, the horse was primarily a means of warfare, mainly an attack. The arrival of horses in the early morning meant inevitable battle or death. The hero could not hope to become such without a horse. The rich man without a horse would not be considered a rich man, as a horse in Arabia was and remains not only a currency of wealth, but also the most effective form of its demonstration.

А.Ю. Коровкина. Зооморфные образы и их значение в фольклоре современного Туниса.

Зооморфные образы весьма популярны в народной культуре современного Туниса. Условно их можно разделить на четыре группы: домашние животные, дикие звери, змеи и скорпионы, птицы. Отношение тунисцев к тем или иным животным определяется ролью, которую они играют в жизни жителей этой североафриканской страны, однако некоторые персонажи олицетворяют как положительные, так и отрицательные качества. Связь и особые отношения, установившиеся между человеком и животным за тысячелетия совместного существования, сформировали целый комплекс представлений в мировом фольклоре. Каждая цивилизация вносит в него свои коррективы с учетом местных особенностей. Так и тунисская народная культура в этом отношении, имея немало общего с традиционной арабо-исламской, в некоторых аспектах серьезно от нее отличается, что можно объяснить влиянием берберского и средиземноморского элементов.

A.Yu. Korovkina. Zoomorphic images and their significance in the folklore of modern Tunisia.

Zoomorphic images are an extremely popular theme in the folk culture of modern Tunisia. Conditionally they may be divided into four groups: domestic animals, wild animals, snakes and scorpions, and birds. The relation of Tunisians to particular animals is determined by the role they play in the life of inhabitants of this North African country; some characters represent both positive and negative qualities. The special relationships established between man and an animal during millennia of co-existence formed a whole complex of ideas in the world folklore.

Every civilization contributes its own corrections to this, taking into account local peculiarities. In this regard, the Tunisian folk culture have much in common with the traditional Arab-Islamic one, but the former stands out in some aspects that can be explained by the influence of Berber and Mediterranean elements.

М.А. Родионов. Овцы и дикие пчелы в культурной памяти Хадрамаута.

Автор рассматривает выражение *пасты своих овец*, распространенное в южно-арабском устном и письменном фольклоре, в свете формулы биномиальной согласной, широко используемой в поэзии и обычном праве Хадрамаута. Он также добавляет библейскую параллель в тему пчеловодства, рассмотренную в его предыдущей статье.

M.A. Rodionov. Sheep and wild bees in the cultural memory of Hadhramaut.

The author scrutinizes the expression *to shepherd their sheep*, a common theme in southern Arabian oral and written lore, in the light of binomial consonant formulae widely used in the poetry and customary law of Hadramawt. He also adds a Biblical parallel to the apicultural topic treated in his previous article.

И.Ю. Котин, Е.С. Соболева. Рогатые зайцы и другие фантастические животные в Южной Германии.

В статье И.Ю. Котина и Е.С. Соболевой раскрываются некоторые аспекты культуры Юго-Западной Германии. В XXI в. многие фольклорные персонажи получают воплощение в объектах Public Art. Авторы выбрали сюжеты «Il Porcellino» (кабанчика, или каледонского вепря), гейдельбергской обезьяны, никсов озера Муммельзее, баварского льва и др. Эти образы воссозданы известными скульпторами по желанию местных жителей и стали знаковыми. Подробно рассматривается образ баварского вольпертингера, или рогатого зайца. Немцы-эмигранты принесли миф об одном из популярных персонажей средневековых bestiaries и в Новый Свет. Воспитанный в среде самобытного немецкого фольклора Герман Христианович Мерварт (Gustav Hermann Christian Meerwarth) был готов в ходе экспедиции на о-в Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. воспринимать и изучать демонические культы и необычные виды театра народов Южной Азии.

I.Yu. Kotin, E.S. Soboleva. Horned hares and other fantastic animals in Southern Germany.

I.Yu. Kotin and E.S. Soboleva disclose some aspects of the culture of southwestern Germany. In the XXI century, many folk characters are embodied in objects of Public Art. The authors have chosen plots “Il Porcellino” (pig or the Caledonian boar), Heidelberg monkey, nicks of the Mummelsee lake, the Bavarian lion, etc. These images were recreated by famous sculptors at the request of local residents and became iconic. The image of the Bavarian wolpertinger or a horned hare is examined in detail; German immigrants brought the myth about one of the popular characters of medieval bestiaries to the New World. Herman

Khristianovich Meerwarth (Gustav Hermann Christian Meerwarth), being educated in the environment of original German folklore, was prepared to perceive and research demonic cults and unusual theatre types of the peoples of southern Asia during the expedition to India and the island of Sri Lanka in 1914–1918.